

**АЛЕКСАНДР
БУШКОВСКИЙ**

**ЯСНОВИДЕЦ
ПЯТАКОВ**

РОМАН

**РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ**

**Издательство АСТ
Москва**

1

Гаврик Пятаков, худощавый и невысокий мужчина средних лет в короткой болоньевой куртке с надписью «Миллениум», без шапки и перчаток, вышел утром из храма Царственных Мучеников на перекрёстке улиц Свердлова и Войковской. Стояла зима, и брёвна церкви промёрзли до звона. Выдыхая пар в мороз, Гаврик сбежал с крыльца и перекрестился. «Х-ху-у, слава те, допустили к Чаше, теперь полегчает!» — подумал он и скоренько зашагал к своему в прошлом яркому, как печёный желток, а теперь тусклому и потёртому рыжему автомобилю, оставленному за углом.

Полегчать должно было наверняка. Он точно знал это по собственному опыту. Три года назад Гаврик, пребывающий тогда в глубоком и мрачном запое, однажды белым днём вдруг

обнаружил себя сидящим на корточках вместе с попрошайками на обочине дорожки, ведущей к церкви. Вспомнить, как тут оказался, он не мог, зато держал в руке пустую баночку из-под оливок, куда редкие прохожие могли, если б захотели, бросать монетки. Проходившая мимо незнакомая суровая тётка остановилась, оглядела его презрительно и спросила тоном старшины:

— Пятаков?

Гаврик тупо промолчал.

— Ты моей невестке дом рубил, — утвердила она и взяла его за рукав. — Вставай давай! Брось банку.

Гаврик поставил баночку на снег и с трудом поднялся.

— А ну-ка пойдём! — И она повела его к дверям церкви. — Сейчас «Неупиваемая Чаша» будет, постоишь и послушаешь. Что за народ вы такой, мужики? Руки хоть и оттуда растут, зато плюй в глаза — всё божья роса!

Весь молебен она стояла рядом и держала его за рукав, но Гаврик никуда и не собирался бежать. Наоборот, он едва не заснул под монотонный голос священника. С последним «аминь!» он проснулся, и ему внезапно стало легче, почти хорошо. Суровая тётка вывела его на крыльцо и спросила всё так же грозно:

— Жена, что ль, выгнала?

— Сам ушёл.

— Тогда ступай домой. Два дня не пей, не кури! — Отряхивая от какой-то пыльной побелки его тощую куртку, она так гулко ударила Гаврика ладонью меж лопаток, что тот вздрогнул и поёжился. — В субботу вечером придёшь сюда, я тебя буду ждать. Звать-то как? Я запомнила...

— Гавриилом.

— Ну-у дак! А ещё сомневаешься! — непонятно чему обрадовалась она. — Всё, шагай!

Гаврик, к тихому своему изумлению, пошёл домой и помирился с женой. Вечером в субботу ноги сами принесли его обратно, и тётка действительно встретила его на крыльце:

— Сейчас подойдёшь к батюшке, скажешь «каюсь, отче, пью, гуляю». Он тебя спросит, ты ответишь. Завтра утром снова придёшь, причастишься. А там иди на все четыре.

Ни о чём не задумываясь, Гаврик сделал всё так, как велела тётка, и даже не заметил, что священник, накрыв расшитым полотенцем, не спрашивая, назвал его полным именем. А воскресным утром после долгой службы и очереди к чаше за ложечкой вина с кусочком хлеба он внезапно и окончательно протрезвел. Мутная тоска куда-то уползла, впустив на своё насиженное место спокойную радость. Люди вокруг по-доброму улыбались, из-под тающего снега торчала зелёная бутылка от йогурта, а придорожная мазутная грязь переливалась радугой и утекала ручьём вместе с солнечными искрами. По пути домой Гаврик

удивлённо разглядывал город. Рассвет прозрачно окутывал оранжевым сонные дома, резко вычерчивал их силуэты и странно пах благовонным дымом. Воздух хотелось глотать, как газировку...

Гаврик, он же Гавриил Петрович Пятаков, вообще-то немного стеснялся своего имени, казавшегося ему архаичным, и при знакомстве иногда представлялся Гариком. Нет-нет, просто Гарик, не Игорь, и не Георгий, и уж тем более не Гарри. В детстве он был обижен на родителей за такую несправедливость с именем. Однажды даже упрекнул отца, сказав, что тот мог бы назвать его как-нибудь проще, Андреем, например. О том, что он именно Гаврик, знали немногие, в их числе и бич Андрюха, который частенько побирался тут, возле церкви, а когда-то давным-давно служил вместе с ним в армии, в одной роте.

На прошлой неделе Гаврик, вместо того чтоб работать и кормить семью, снова пропьянствовал два дня на срубе с товарищами, весёлыми плотниками, закусывал салом, ругался матом и всю пьянку курил. С головой окунулся он в синий омут, завис между дном и крышкой, но всё же относительно быстро вынырнул. Сутки мрачно отходил. После этого ещё два дня кое-как попостился, а вчера с трудом и со страхом заставил себя пойти на вечернюю службу. Однако обошлось. Выстоял и обтекаемо рассказал о своём поведении отцу Николаю. Посетовал на грязные и унылые мысли

в голове. Отец Николай тяжело вздохнул и разрешил, а сегодня вот отпустил лекарство.

Раздавая по пути монеты от рубля до десяти гражданам и гражданкам, стоящим и сидящим со стаканчиками вдоль дорожки, Гаврик сообразил, что не видит бича Андрюху, которому вчера от радости после исповеди выдал целую сотню. Сотня эта была заначена для одной знакомой многолетней прихожанки, которую он встречал иногда на службе, но вчера отчего-то не встретил. Гаврик подумал ещё: ничего, не обеднею, зато Андрюха, должно быть, обрадуется! Вместо него стоял угрюмый подросток, лицом похожий на Андрюху, но не такой опухший.

— А где отец? — спросил Гаврик и опустил в его стаканчик пятак.

— Здоровья вам, — ответил подросток равнодушно. — Помер он.

Гаврик остановился.

— Как помер? Когда? Я вчера его тут видел.

— Вчера и помер. Замёрз пьяный. Немного не дошёл до нашей будки.

— ...

— В морге он щас. — Подросток указал большим пальцем за плечо.

— А мама?

— Поминают. В будке. Говорит, без нас похоронят, — добавил он, упреждая последний вопрос.

— Подожди...

Гаврик добежал до машины, вытащил из кошелька одну из двух лежащих там пятисоток и поспешил обратно.

— Маме отдай...

— Здоровья вам, — глухо повторил подросток, убрал купюру в карман, высыпал туда же мелочь из стаканчика и зашагал прочь. На ходу он уронил стаканчик, оглянулся и вдруг побежал, согнувшись и вжимая голову в плечи.

Гаврик вернулся к машине, сел за руль и пару минут сидел, тупо глядя на приборную доску. Народ расходился из храма, прошла мимо и многодетная прихожанка Светлана с усталым лицом. Пятаков завёл машину и поехал домой. В дороге он дважды с силой ударил ладонями по рулевому колесу и беззвучно выматерился, а на повороте возле дома пережал педаль газа и въехал во двор юзом.

Дóма ещё спали. Несколько минут Гаврик бродил из прихожей в кухню и обратно по скрипучему полу, скрюченными пальцами расчёсывая кожу головы под волосами. Наконец тихонько зашёл в дочкину комнату, порылся в ящике стола и вытащил оттуда ручку и чистую тетрадь в линейку. Прикрыв за собой дверь, сел на кухне, подпёр ладонью лоб и начал писать: «Сегодня ночью человек один замёрз. Я его знал. Из-за меня замёрз, не иначе. Я ему вчера сотню дал. Не было бы сотни, так бы не напился. Или напился? Кто его знает? Да ну! Судьба это. От неё не уйдёшь. Я же

хотел как лучше. Что же, выходит, теперь я убийца? Неумышленно ведь...»

В кухню пришлёпала босыми ногами сонная жена и несколько секунд удивлённо смотрела, как Гаврик лихорадочно карябает что-то на бумаге. Но скоро это ей надоело, и она ушла в туалет. Гаврик продолжал: «Пиши, Гавриил, пиши! Что тебе ещё делать? Опять запить? Не поможет, сам знаешь. На работу поехать? Выходной. Телик включить? Не верю. Книжку почитать? Так ведь гляжу в книгу, а вижу фигу. Да и нет у меня таких книг, чтоб...»

— Гаврик, поставь чайник, а? — попросила жена, переходя в ванную.

Он задумчиво встал, отложил ручку и включил газ. Подошёл к подоконнику, опёрся на него кулаками и поглядел в окно. За окном задул ветер, и параллельно земле полетел между деревьями мелкий и колючий снег, а небо стало тёмно-серым с чёрными прожилками, как свежий цементный раствор.

«Зачем я ему пятисотку дал? — мрачно думал Гаврик. — Всё равно он её матери не отдаст. А если отдаст, то упыются все вусмерть. Как бы ещё кто-нибудь не помер!» Он сморщился и прикрыл глаза. «Да не, баба так не должна напиться, всё же умнее мужика». Он снова сел за стол и продолжил: «Твоя вина, Гавриил. Почему хочешь как лучше, а выходит наоборот? Пятисотка ему пригодится. Что-то купит. Или пива наберёт. С виду

лет четырнадцать. Или клею накупит нюхать. Эти такие. Почему что ни делай, всё через жопу?» Гаврик зачеркнул последнее слово, но замены ему не подобрал. Перечитал всё написанное и встал, чтобы снять чайник с огня.

— Что это ты? — Жена кивнула на тетрадь, завязывая пояс халата.

— Так, по работе, список материалов, — отмахнувшись, привычно соврал Гаврик, и тут его кольнуло: «Вру, не задумываюсь, как будто так и надо. Знаю же, что худо это. Всё равно вру на каждом шагу. А что скажешь? Рассказывать с самого начала?»

Жена осталась в кухне заваривать чай, а он ушёл в комнату и сел за стол.

«Андрюха нераскаянный помер. Зависнет теперь между небом и землёй», — написал Гаврик и отложил ручку. Он представил себе, как Андрюха засыпает пьяный в сугробе, лицо его цвета еловой коры замечает позёмкой, а сальные волосы примерзают к утренней корке наста. Гаврик хорошо знал, как это — уснуть сильно пьяным. Просто провалиться во мрак и гул, а потом в тишину и небытие. Но что потом? Какая она, смерть? Гаврик очень надеялся, что Андрюхе не было больно. Но душа-то вылетит! И ужаснётся!

Раньше Гаврик и сам не верил в душу, пока однажды с друзьями они не улетели с просёлочной дороги под откос. На скорости девяносто в си-

них «Жигулях». Трижды перевернулись через крышу, водитель убился, раздавив грудь об руль, штурман сломал спину, а Гаврик на заднем диванчике только изрезался об осколки стёкол и набил шишку на голове. Зато он прекрасно видел, словно в медленном кадре паря с правого боку от машины, как она тяжело кувыркается, рвёт дёрн, ломает осинки под насыпью, наконец бьётся лобовым стеклом о камень и застывает колёсами вверх. Видел своё тело летающим по салону, как кукла, видел и выпорхнувшего из окна изумлённого водителя Вовчика. Вовчик парил напротив, слева от крутящейся в воздухе машины. Потом он пропал (видны были только плечо и мёртвый затылок), а Гаврик обнаружил себя лежащим изнутри на крыше в брызгах стёкол и штурмана Валерку зажатым на правом сиденье вниз головой и визжащим от ужаса и боли.

— Иди чай пить, Гаврик! — позвала из кухни жена.

«А душа куда? Куда Вовчик полетел? Ведь он исчез! Не в свой же труп залез обратно?» Гаврик не знал ответа на эти вопросы, хотя теперь не сомневался, что видел этот кошмар своей собственной душой. Зато он слышал ответ отца Николая и боялся, что тот прав. Отец Николай, молодой и интеллигентный, похожий, как казалось Гаврику, на аспиранта и на хиппи одновременно, выслушав его на исповеди, внезапно сказал: «Вам, Гавриил, возможно, дан второй шанс. Задуматься

и измениться. А водителя вашего, боюсь, бесы утащили. Ведь вы же сами сказали, что ехали нетрезвые. Хотя... никто не знает точно, что там будет и кто там ждёт».

Гаврик поплёлся на кухню.

«Рассказывать жене? Или нет? Вот тоже вопрос! Рассказать — значит, расстроить её, она такая впечатлительная. Если не рассказывать, увидит, что я на нервах, начнёт допытываться. Врать не хочется... Видно, придётся всё же рассказать».

2

К моему глубокому огорчению и даже некоторой досаде, мне на своём веку не довелось общаться с великими людьми. Все эти известные телеведущие или выдающиеся политики никогда обо мне не слышали. Не знают меня и злободневные журналисты с актуальными режиссёрами. Ни знаменитые спортсмены, ни заслуженные артисты, ни влиятельные продюсеры не пожимали при знакомстве мою руку. Прошедшую треть жизни я провёл среди обычных, среднестатистических, ничем не примечательных граждан, и, скажу больше, я не знаком даже с офисным планктоном...

Печальнее же всего — мне не везло на творцов! На поэтов, музыкантов и... Стоп! Вру. Есть у меня один знакомый, художник-баталист. Правда, не слишком уж широко известный, но это

только потому, что он бывший полисмен, то ли участковый инспектор, то ли вовсе оперуполномоченный, приученный к конспирации и впитавший её с молоком матери. Зато теперь он ведёт вполне богемную жизнь и частенько пьян, а на полотнах ему особо удаются вспышки разрывов и атмосфера сражения. Немногочисленные знатоки его творчества в один голос уверяют, что это лучший живописец меж служителей закона и одновременно лучший сыскарь среди взявших в руки палитру и кисть...

Но вернусь к своей мысли.

На творцов мне хоть и не везло, однако жажда творчества, мысли о высоком искусстве и даже, чего греха таить, мечты о громкой славе не давали мне покоя с самого детства. Не дают и по сей день. Я пробовал себя в музыке, увлекался живописью и везде, особенно в поэзии, проявил способности. Одних способностей, к несчастью, оказалось недостаточно, для успеха было нужно что-то ещё, но что? Думая об этом, я пришёл к выводу: нужны гений, удача и блат. Неимоверным, титаническим усилием воли и напряжением всех сил, душевных и отчасти даже физических, я попытался обнаружить в себе гений, но, увы, не обнаружил. Отдышавшись и оглядевшись вокруг, я понял, что примерно так же обстоит дело и с блатом. Какая уж тут удача! На долгие годы пришлось мне тогда оставить искусство...

Река жизни вращала меня в водоворотах событий, несла по стремнинам желаний, окунала в омуты страстей... Вот видите, что я вам говорил? Готовая поэтическая строфа, ну просто начало стихотворения! Что-то среднее между дактилем, амфибрахием и анапестом. Только получается не очень ритмично — «вращала меня в водоворотах событий». Может быть, «вращала меня в поворотах событий»? Уже лучше, но ещё не то! Как это «вращала в поворотах»? Как детский волчок, что ли? Ерунда какая-то... Или тогда «крутила в заворотах»? Тоже нет, пожалуй. Это попахивает несварением желудка...

Да, так вот. С годами я набрался опыта и среди прочего услышал мнение, что человек хотя и немощен, и грешен, но с божьей помощью, видите ли, всё может. Ну, в смысле с богом может всё! Здесь я употребил бы ироничный смайлик. Уж нам-то с вами, людям образованным, совершенно понятно, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи. И что-то я не видел ни одной горы, передвинутой силой молитвы. Даже поступить наоборот и хотя бы *себя* переместить поближе к горам редко кому удаётся. Я, к примеру, никогда не бывал в Швейцарских Альпах.

Однако бог есть, как считает довольно большая часть населения нашей голубой планеты, и мало того, он — главный творец. А человек способен лишь со-творить. Ну что ж, я согласен,

что такое мнение имеет право на существование. Не зря же тысячи лет люди молятся разным богам, а потом создают шедевры! Всякие пирамиды и зиккураты, одиссеи и нефертити. Пишут книги мёртвых и чёрные квадраты.

Я потехи ради хорошенько помолился. Сперва Кришне, затем Иегове. Почему именно им? Просто сначала я встретил на улице бритых под ноль адептов в мандариновых простынях и босиком (хоть было холодно и дождик), а потом свидетелей с вдохновенными лицами, блеском в глазах и пачками журналов под мышкой, и стал ходить на собрания к тем и другим по очереди. Когда об этом узнал мой бригадир Алексей Алексеевич Темчинов по прозвищу Чингисхан, человек большой во всех отношениях, он ласково посмотрел на меня, потом, здороваясь, немного сильнее обычного пожал мне руку (у меня чуть глаза на лоб не вылезли) и мудро изрёк: «Бросьте вы это мракобесие, Миша, мы же не в дикой Индии бичуем и не в Америке башню с долларами сторожим, а живём на православной земле. Вы тогда уж лучше в церковь ходите, больше толку будет». Мне почему-то сразу стало ясно, что он прав, и я перестал ходить к адептам и свидетелям. Правда, и в церковь я пока тоже не пошёл.

Дело в том, что я, мечтая об искусстве и пытаюсь его сотворить, ради хлеба насущного трудился тогда в бригаде грузчиков под руководством